

ПРОРОЧЕСКИЕ УРОКИ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

ЛЕОНИД ПОЛЯКОВ

*Специалист по истории русской философии. Доктор философских наук.
Профессор Департамента политической науки НИУ ВШЭ.
Член Экспертного Совета фонда ИСЭПИ.*

Константин Леонтьев — мыслитель, рукописи которого не только «не горят», но и загадочным образом не устаревают. Все, что писал и публиковал он в 70–80-е годы позапрошлого века, звучало остро, парадоксально, вызывающе. Больше всего ценивший «стильность», Леонтьев писал резко и выразительно на самые злободневные темы. Его подход к острейшим проблемам пореформенной России в большинстве случаев оказывался не просто движением «против течения», но проявлением какой-то неслыханной духовно-мыслительной экзотики. Леонтьева слышали — и не слушали, читали и не воспринимали. А если критиковали, то скорее с вежливым недоумением (как П.Е. Астафьев, например), чем с реальным желанием поспорить в стиле знаменитых российских литературно-публицистических споров...

В таком отношении современников отчасти (и от весьма значительной части!) «виноват» и сам Леонтьев. Его «властный» пафос обезоруживал буквально — проще было бросить в него бомбу, чем бросить вызов на литературно-публицистическую дуэль. Ибо не было тогда в России большего монархиста (включая сюда и самих российских самодержцев!), чем Леонтьев. А будь

в России свой «Папа Римский», то трудно было бы сыскать более подходящего претендента на большую «святость» чем он.

Подход к злободневности *sub specie aeternitatis*, который Бердяев использовал позднее лишь в качестве «литературного» приема, оказался для Леонтьева столь естественным и органичным, что никакая — осмысленная в горизонте повседневности — полемика с ним не выстраивалась.

От этого «опричника» эсхатологической мысли шарахались даме самые закаленные полемисты (Вл. Соловьев, Н. Страхов, например), а перед прямою его «трансцендентного эгоизма» останавливались в растерянности даже такие русские гении как Достоевский и Толстой.

Была еще одна черта (скорее — существо!) леонтьевской личности и творчества, которая обрекала его на изгойство, на постоянно возоб-

новлявшееся отлучение от «духа и буквы» мейнстрима русской мысли. Черта, которая властно потянула к нему В. Розанова. Я имею в виду пресловутый Леонтьевский если не «аморализм», то своего рода «имморализм» квазиницшеанского толка. Не говорю о «сходстве» в этом пункте между Леонтьевым и Розановым, ибо никакого сходства тут не было и быть не могло. Скорее —

ЛЕОНТЬЕВ УТВЕРЖДАЕТ,
ЧТО РУССКИЙ НАРОД,
ЕСЛИ НЕ БУДЕТ
«ОГРАНИЧЕН, ПРИВИНЧЕН,
ОТЕЧЕСКИ И СОВЕСТЛИВО
СТЕСНЕН», ВМЕСТО
НАРОДА «БОГОНОСЦА»
ЯВИТ МИРУ ЛИК
«НАРОДА-БОГОБОРЦА»

притяжение по контрасту: гений «одномерности» и «физиологический» философ Розанов с затаенным восторгом наблюдал (в переписке) за тем, как бесстрашный экзорцист Леонтьев беспощадно изгонял возлюбленного «беса» русской интеллигенции — беса иррелигиозного морализаторства — из всех сфер не только социального, но и духовно-космического бытия.

Болезненное дитя «народолюбия» и «народоболия» русской мысли — самый «народный» из всех русских философов — Розанов, прежде чем и для того, чтобы стать тем самым Розановым, сам прошел курс экзорцизма у Леонтьева. И самый главный урок, который он обязан был извлечь из этого курса, — урок непреклонного подчинения интеллигентской «правды» философской «истине».

Правда, «ученик» в конечном итоге сбился с пути, указанного «учителем», и вместо вопроса о том, «Кто есть Истина?» искусился пилатовским: «Что есть истина?» Но сам Леонтьев с этого пути никогда не сходил. И потому оказывался способным пророчествовать о будущем с точностью почти научного предвиденья.

Впрочем, в этом синтезе безусловно религиозного и бескорыстно научного воззрений на будущее Леонтьев никогда не переступал той черты, которую бесстрашно пересек еще один его великий современник — Николай Федоров. Созерцательность эсхатологического эстетизма Леонтьева и человекобожеский активизм федо-

ровской «философии общего дела» так и остались в истории русского религиозно-философского ренессанса двумя полярными точками. С каждой из которых открывался особый вид на русское будущее: федоровский «космизм» с родоначальником «ракетоплавания» К.Э. Циолковским, с одной стороны, и леонтьевский «социализм» как «спасительная реакция будущего», с другой.

Пророчество Леонтьева о России исходит из постулата величия будущей судьбы: «Вредна ли или полезна будет эта будущность России для остального человечества, разрушительная она будет или созидательная, — это другой вопрос: но что будущность есть великая, это ясно».¹ Перед русским народом, основным историческим подвигом которого является создание великой государственности, поддерживающей «византизм» как уникальный культурно-исторический тип, стоит решающий выбор: либо уступить западному тренду «вторичного смесительного упрощения» и раствориться в этом потоке либерально-демократической «глобализации», либо упереться и найти ресурс для удержания себя в истории.

И Леонтьев делает свой выбор. Он прямо утверждает, что русский народ, если не будет «ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен», в пол-столетия неизбежно (и «даже скорее всякого другого народа!») вместо народа-«богоносца» явит миру лик «народа-богоборца».² Произнося эти слова «над могилой Пазухина» и за несколько месяцев до могилы собственной (1891 год!), Леонтьев словно бы ставил всякого «соблазняющегося о нем» перед роковой дилеммой. Или безоглядно прими всю нерадостную правду о русском народе и возлюби Русь неограниченно-самодержавную, аскетически-монашескую и общинно-крепостную, — или соучаствуй в погублении России через «либерально-эгалитарный прогресс».

Евангельская прямота дилеммы Леонтьева не оставляет места «среднему пути». И просто гуманизм «добрых людей» (либералов), и религиозный гуманизм «новых» или «розовых христиан» (Достоевского и Толстого) обличен им как «лукавство духа», уводящее от прямого и честного ответа на вопрос о вере в «вождей» России. Если Россия ценна и достойна бытия не всякая, а лишь воплощающая в себе «византизм», если ее судьба — величие и неопределенно-роковое вмешательство в судьбы мира, то и выбор между ее «вождями» предельно эсхатологичен. «Чувство мое пророчит мне, — утверждал Леонтьев в письме к К.А. Губастову в 1889 г., — что Славянский Православный Царь возьмет когда-нибудь в руки

¹ Леонтьев К.Н. *Записки отшельника*. М., 1992. С. 273–274.

² Леонтьев К.Н. *Цветущая сложность*. М., 1994. С. 291.

социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым тройным рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта Ренановская — к черту!».³

А если не удастся послать «к черту» Америку, то можно не сомневаться относительно того, какой «вождь» явит себя в России. «Без строгих и стройных ограничений, — предупреждал Леонтьев над той же могилой, — без нового и твердого расслоения общества, без всех возможных настойчивых и неустанных попыток к восстановлению расшатанного сословного строя нашего — русского общества, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмещения и — кто знает — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабо-церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит еп. Феофан вместе с другими духовными писателями...».⁴

То, что окончательно Америку «послать к черту» не удалось, — исторический факт. Но непреложен и такой исторический (и в этом смысле — строго научный) факт, что именно СССР, возникший на месте прежней Священной Византийской империи Российской нации, и попытался это сделать. Правда, в леонтьевском

пророчестве есть вроде бы серьезный «прокол»: не православный Царь взял на вооружение «социализм», социалистический Генсек взял на вооружение православие. Но на выходе результат получался тот же.

А что касается Антихриста... Разумеется — леонтьевское пророчество к категории научного в буквальном смысле отнести невозможно. Собственно наука, как science, о такого рода кантовских вещах-в-себе сказать ничего не

может, да и не обязана. Научность леонтьевского прозрения о 1991-м годе состоит лишь в том, что именно из внезапно «раскрепощенного» Перестройкой советского общества вышли такие персонажи, на фоне которых булгаковский Воланд смотрится кандидатом на зачисление в ангельский лик. И нельзя утверждать, что открытый тогда кастинг на предвиденную Леонтьевым роль уже завершился...

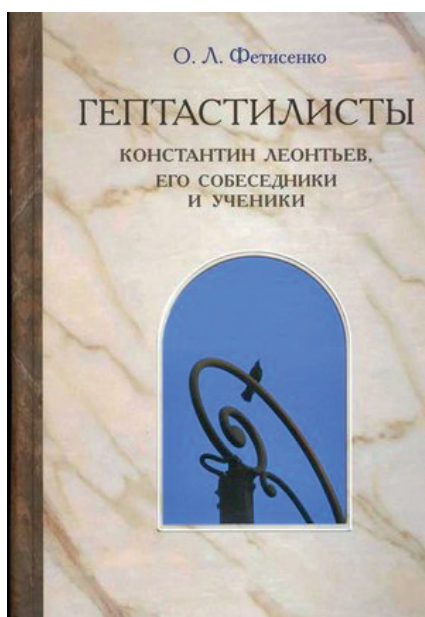
**СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТЬ
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО
ЭСТЕТИЗМА ЛЕОНТЬЕВА
И ЧЕЛОВЕКОБОЖЕСКИЙ
АКТИВИЗМ ФЕДОРОВА ТАК
И ОСТАЛИСЬ В ИСТОРИИ
РУССКОГО РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКОГО
РЕНЕССАНСА ДВУМЯ
ПОЛЯРНЫМИ ТОЧКАМИ**

---

³ «Русское обозрение», 1897, № 5. С. 410.

⁴ Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. М., 1994. С. 291.

25 марта 2015 года в Шуваловском корпусе МГУ, в одной из аудиторий философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, состоялось вручение премий «Наследие русской мысли им. Н. А. Бердяева», учрежденной Фондом ИСЭПИ в 2014 году в честь 140-летия со дня рождения русского философа Николая Александровича Бердяева.

Наград удостоились заведующий сектором Отдела редких книг и рукописей Научной Библиотеки МГУ Алексей Любжин за монографию «История русской школы императорской эпохи (Том I)», ведущий научный сотрудник Института русской литературы Российской академии наук Ольга Фетисенко (за монографию о Константине Леонтьеве), преподаватель УНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Надежда Лунарева, а также авторы

антологии «Русский вопрос в истории политики и мысли» – декан факультета политологии МГУ Андрей Шутов и заведующий кафедрой Истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Александр Шириняни.

Фрагменты каждой из награжденных книг составили второй выпуск за этот год «Тетрадей по консерватизму».

Академические достоинства книги Ольги Леонидовны Фетисенко не вызывают никаких сомнений, однако, как только на сайте «Русская idea» началось обсуждение идейного наследия ее героев, круга учеников Константина Леонтьева, сторонников учения о «новой восточной культуре» («гептастилистов»), возник очень острый спор о том, является ли оно, это наследие, актуальным для нашего сегодняшнего времени. Должны ли мы, современные политические консерваторы, повести свою генеалогию не от либеральных «веховцев», а от реакционных «гептастилистов»? На этот счет возможны разные оценки и, скорее всего, подобный обмен мнениями рано или поздно расколется наше сплоченное общими тревогами и надеждами консервативное сообщество. Но боится спора только тот, кто боится истины. Будем же отважны в постановке самых неприятных и болезненных вопросов.